

Владимир Кунин

Ребро Адама

ФТМ

Владимир Владимирович Кунин

Ребро Адама

Текст предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=63490687
Ребро Адама: ФТМ; Москва; 2020

Аннотация

Одновременно грустная и смешная история о жизни четырех женщин одной семьи: интеллигентной Нины Елизаровны, ее дочерей, романтической Лиды и бойкой Настюхи, и «главы семейства» – Бабушки... Главное в жизни для каждой из них – любить и быть любимой, но мужчины в их доме – лишь случайные гости. Несмотря на череду неудач, женщины искренне стремятся к счастью...

Владимир Кунин

Ребро Адама

© Текст. В. В. Кунин, наследники, 2020

© Агентство ФТМ, Лтд., 2020

На рассвете в блекло-серой стариковской толпе блочных хрущоб, взламывая тоскливый пятиэтажный ранжир, внуками-акселератами редко и нелепо торчат сытые восемнадцатипятиэтажные красавцы из оранжево-бежевого кирпича.

И все-таки это Москва, Москва, Москва... И не так уж далеко от центра. По нынешнему счету – рукой подать. Ровно посередине: между ГУМом и Окружной дорогой.

Двухкомнатные квартиры в пятиэтажках – обычные для всей страны. Крохотная кухонька, совмещенный санузел, проходная комната побольше, тупиковая – поменьше. Обветшалая современная мебель стоит вперемешку с александровскими и павловскими креслицами и шкафчиками красного дерева. В облупившемся багете – два пейзажа начала века кого-то из Клеверов.

В полупотемках громко тикает будильник. Через десять

минут, ровно в семь, он безжалостно затрезвонит на всю квартиру.

Нина Елизаровна проснулась до звонка и со своего дивана следит за неотвратимым движением красной секундной стрелки. Нине Елизаровне – сорок девять. Она красива той породистой, интеллигентной красотой, которая приходит к простоватым хорошеньким женщинам только в зрелом возрасте и вселяет обманчивую уверенность в окружающих, что в молодости она была чудо как хороша!..

По другую сторону обеденного стола, на раскладушке, в глубоком утреннем сне разметалась младшая дочь Нины Елизаровны от второго брака – пятнадцатилетняя Настя. Вдруг из-за приоткрытой двери во вторую комнату, в абсолютной тишине, раздается мощный удар колокола!..

Настя тут же натягивает одеяло на голову. Нина Елизаровна зевает и слегка раздраженно спрашивает:

– Ну что там еще?

И женский голос из-за двери спокойно отвечает:

– Все нормально, мамуля. Спи. Бабушка судно просит.

В маленькой комнате на огромной кровати красного дерева лежит парализованная, потерявшая речь семидесятивосьмилетняя мать Нины Елизаровны. Над постелью уйма фотографий в стареньких рамочках.

У старухи действует только одна правая рука, и для общения с миром над ее головой к стене прикреплена старинная

корабельная рында. Когда Бабушке нужно обратить на себя внимание или кого-то позвать, она дергает за веревку, свисающую от языка колокола, и тогда медный церковный гул несется по всей квартире...

Происхождение корабельной рынды в этом сугубо женском мирке можно угадать по фотографиям ушедших лет: Бабушка в фетровой шляпке с Дедушкой в довоенном флотском кителе; Дедушка в орденах с Бабушкой и маленькой Ниной; Дедушка в адмиральском мундире; совсем юный Дедушка в матросской форменке...

Здесь же, на узкой кушетке пятидесятых годов, живет двадцатилетняя Лида – старшая дочь Нины Елизаровны от первого брака.

Полуодетая Лида ловко и привычно подсовывает под старуху судно, прислушивается к приглушенному одеялом журчанию и ласково говорит:

– Ну вот и славненько...

Лицо старухи неподвижно. Только глаза живо и неотрывно следят за Лидой и слабо шевелится правый угол беззубого рта.

– Сейчас, сейчас, – понимает Лида и подает Бабушке поильник.

Старуха удовлетворенно прикрывает глаза и начинает пить холодный чай. Из левого неподвижного уголка рта чай выливается на дряблую морщинистую щеку, затекает на шею, растворяется на подушке мокрым желтоватым пятном.

Лида терпеливо подкладывает заранее приготовленное полотенце.

В комнату входит Нина Елизаровна:

– Доброе утро, мама. Тебе овсянку сделать или манную?

У старухи чуть вздрагивает правый уголок рта. Нина Елизаровна вопросительно смотрит на старшую дочь. Лида тут же «переводит»:

– Бабушка сегодня хочет овсянку. Мамуля, где последний «Огонек» со статьей этого... ну как его?!

В большой комнате звенит будильник.

– Настя! Вставай! – кричит Нина Елизаровна. – Лидуня, я понятия не имею, где «Огонек»... Настя! Черт бы тебя побрал! Ты когда-нибудь научишься просыпаться сама?

– Ну мамочка... – ноет Настя из другой комнаты.

Лида накидывает старенький халатик и говорит Нине Елизаровне:

– Мамуля, покорми, пожалуйста, бабушку, а я в ванную.

По дороге она расталкивает Настю.

– Настюхочка, вынеси судно из-под бабушки.

– Нет! Нет! Нет!.. – вопит Настя. – Я туда даже входить не могу! Там запах! Меня тошнит!

– Это подло. Бабушка тебя на руках вынянчила, – горько говорит Лида и уходит в ванную.

– А я просила?! Я просила, чтобы она меня нянчила?!

– Анастасия! Немедленно вынеси судно! Лидочка живет в той комнате, а ты... – кричит Нина Елизаровна.

– А может, она приняхалась?! А меня вырвет!

– Не вырвет.

Нина Елизаровна проходит в ванную, где Лида уже принимает душ за полупрозрачной пленкой.

Нина Елизаровна плотно прикрывает дверь, берет зубную щетку, выдавливает на нее пасту и вдруг начинает внимательно разглядывать в зеркале каждую морщинку на лице. Многое ей не нравится в своем отражении! Она досадливо морщится и решительно начинает чистить зубы.

– Вчера вечером звонил твой отец.

– Что ему было нужно? – спрашивает Лида.

– Понятия не имею. Наверное, опять хотел пригласить тебя на их сборище.

– Боже меня упаси! Ничего более отвратительного я... Я вообще не понимаю, как папа – адвокат, интеллигентный человек...

– Да какой он интеллигентный? – Нина Елизаровна сплюнула пасту в раковину. – О чем ты говоришь?! Типичная советская образованщина. Всю жизнь был напыщен, глуп и безапелляционен. Да и мужик... крайне посредственных возможностей...

– Бедная мамочка, куда же ты смотрела?

– Дура была. Молоденькая дура... А как только я вышла за Александра Наумовича, твой папа совершенно чокнулся: его личный счет к Александру Наумовичу сразу приобрел идейно-национальную окраску. Что у тебя с Андреем Пав-

ловичем?

– Ничего нового...

– Он собирается делать какие-то шаги?

Ответить Лида не успевает. В дверях ванной появляется Настя в одних крохотных трусиках:

– Вы скоро? Я на горшок хочу.

– Что ты шляешься без тапочек, да еще и сиськами размахиваешь? – рывкает Нина Елизаровна. – Сейчас же надень лифчик!

– Лифчики уже давно никто не носит, – нахально заявляет Настя. – Конечно, кому грудь позволяет.

– А по заднице не хочешь? – обижается Нина Елизаровна.

– Нет. Я на горшок хочу.

Бабушка напряженно прислушивается к перебранке, глядя в проем двери. Затем ее взгляд скользит по стене со старыми фотографиями. И останавливается на одной, где совсем еще юная Бабушка (ну копия нынешней Насти!..) вместе с тощим семнадцатилетним Дедушкой и его Другом сидят под роскошными нарисованными пальмами.

В глазах Бабушки начинают меркнуть цвета ее сиюсекундного восприятия мира, и уже в черно-белом изображении, сначала неясно, а потом все четче и четче Бабушка видит...

...Дедушку, себя и их Друга за столом на крохотной клубной сцене. Бабушка размахивает руками, что-то решительно кричит в небольшой зальчик, набитый шумной комсомолой тридцатых годов. Дедушка и его Друг восхищенно переглядываются за ее спиной – вот такая у них подруга! Бабушка видит их краем глаза и от этого безмерно счастлива!..

Видение исчезает, мир снова становится цветным. Неопрятная парализованная старуха медленно поднимает единственную живую правую трясущуюся руку, берет веревку от корабельной рынды и...

Бом-м-м!!! Колокольный звон заполняет квартиру.

Голая Лида выскакивает из-под душа, накидывает на себя халатик, щелкает Настю по голове и с криком: «Господи! Судно! Какой стервозный ребенок вырос!» – мчится в комнату Бабушки.

Но вот Бабушка накормлена и причесана, все позавтракали, постели убраны.

За кухонным столом, друг против друга, каждая со своим зеркальцем, сидят Нина Елизаровна и Настя. Наводят утренний макияж.

– Положи сейчас же мою кисточку, – строго говорит Нина Елизаровна Насте. – И не лезь пальцами в крем, лахудра! Ты свое дурацкое ПТУ сначала закончи, а потом рожу разрисовывай!

– Мамуля, я прохожу производственную практику во взрослом коллективе и обязана быть на уровне. А во-вторых, у нас не ПТУ, а Школа торгового ученичества.

– Огромная разница – Кембридж и Сорбонна! – Нина Елизаровна встает, вынимает из кухонного шкафчика деньги: – Так! Маленькое объявление! На носу день рождения Бабушки, и я резко сокращаю расходы. Лидочка! Тебе двух рублей на сегодня хватит?

– Да! Да! – кричит из комнаты Лида. – Я еще, может быть, завтра получу отпускные и кое-что оставлю вам. Господи! Ну где же моя голубая косыночка?!

– Настя, тебе – рубль. Себе я беру... Вермишель... Масло... Хлеб... Картошка... Короче, на всякий случай я беру пять рублей, – говорит Нина Елизаровна, и жалкие остатки семейных денег снова исчезают в кухонном шкафчике.

С улицы раздается автомобильный сигнал. Настя прыгает к окну:

– Лидуня, твой приехал!..

– Настя... – укоризненно шипит Нина Елизаровна.

– О боже!.. – стонет Лида. – Ну где?.. Где моя голубая косыночка?! Настя, ты не видела, где моя косыночка?

Настя невозмутимо снимает с шеи голубую косынку:

– На, на, нужна она мне. Тьфу!..

Лида возмущенно охает, хватается за косынку и мчится к дверям.

Через окно Настя видит, как Лида выскакивает на улицу,

как целует ее Андрей Павлович, и задумчиво говорит:

– Странно. Кандидат... В таком прикиде... А тачка – полное говно.

– Настя! – возмущенно кричит Нина Елизаровна.

Неподвижно лежит в своей комнате Бабушка. Все видит, все слышит.

Андрей Павлович старше Лиды лет на десять. Машиной он управляет легко, свободно, как истинный москвич водитель, раз и навсегда решивший для себя, что «автомобиль не роскошь, а средство».

На ходу Андрей Павлович целует Лиду в щеку, вытаскивает из бардачка связку квартирных ключей и весело потряхивает ими перед лицом Лиды.

– Новая хата? – спрашивает Лида.

– Ну зачем так цинично? Я бы назвал это «смена явки». Пароль тот же. Рыжов уехал в Ленинград и оставил нам это. Так что после работы я в твоём распоряжении до двадцати трех часов.

– А к двадцати трем вернется Рыжов?

– Нет. Он уехал на неделю. Это я должен к двадцати трем...

– А! Вон оно что...

Тут Андрей Павлович огорчается и прячет ключи.

– Ну Лидка... Это уже ниже пояса... Ты же знаешь...

Лида наклоняется к его правой руке, лежащей на руле, целует ее и жалобно, раскаянно бормочет:

– Прости меня, Андрюшенька... Прости меня, дуру тоскливую. Просто после двадцати трех я каждый раз становлюсь такой одинокой...

– Ладно, ладно тебе. – Андрей Павлович растроганно гладит Лиду по лицу, притормаживает машину и останавливается у тротуара.

Лида обреченно вздыхает, открывает дверцу и покорно выходит.

Автомобиль Андрея Павловича трогается с места, проезжает сто метров до перекрестка и сворачивает за угол. Лида пешком шагает в том же направлении...

...Зато когда через десять минут Лида входит в свой многолюдный отдел, Андрей Павлович с обаятельной непосредственностью приветствует ее первым:

– Доброе утро, Лидочка! Здравствуйте! – И машет ей рукой.

– Доброе утро, Андрей Павлович, – отвечает Лида и проходит к своему рабочему столу. – Здравствуйте, девочки.

И все тоже радостно здороваются с Лидой. Все действительно рады видеть ее, Андрея Павловича, друг друга и ощущать себя замечательным дружным коллективом, объединенным не только общим делом, но и общей, очень личной тайной...

Сквозь открытую дверь Бабушка видит опустевшую большую комнату, старые настенные часы с безжизненным маятником, потом – фотографии над своей кроватью.

На одной – прифранченная компания у дверей Замоскворецкого загса. В центре девятнадцатилетняя Бабушка с розочкой в волосах и военный морячок Дедушка. Тут же Друг в форме курсанта какого-то училища. Все уставились в объектив.

И в остатках Бабушкиного мозга всплывают черно-белые воспоминания...

...На свадьбе кричат «горько!». Они встают, целуются. А когда Бабушка садится между Дедушкой и Другом, Друг опускает руку под стол и под прикрытием свисающей скатерти гладит Бабушку по фильдеперсовому колену и выше, до края чулка, пристегнутого широкой кружевной резинкой. Бабушка делает вид, что ничего не происходит, обнимает Дедушку за шею и счастливо хохочет...

Бом-м-м!.. Тугой медный гул плывет по пустой квартире. Бабушка отпускает веревку колокола. Сухонькая ручонка в изнеможении падает на одеяло, глаза впиваются в проем распахнутой двери.

Секунда... вторая... третья... И некому прибежать на Бабушкин жалкий набатный призыв. Глаза ее прикрываются, и

по щеке, к уху, ползет слеза...

Нина Елизаровна ведет посетителей по небольшим залчикам своего музея. С указкой в руке, в элегантном костюме, на высоких каблуках, она выглядит чрезвычайно привлекательно. Мужчины-экскурсанты разглядывают ее с гораздо большим интересом, чем фотографии каких-то документов и ученические копии с изначально плохих полотен. И это справедливо. Как сказал поэт: «...ненавижу всяческую мертвечину, обожаю всяческую жизнь!»

Посетители музея почти все приезжие или проезжающие через Москву, что легко угадывается по апельсинам в сетках, по вареным колбасам в сумках, по коробкам с чешской обувью.

Это же обстоятельство характеризует и музей Нины Елизаровны как третьесортный – попробуй-ка сунься с апельсинами в Третьяковку!..

Позади группы экскурсантов бредет невзрачный человек с доброй и смущенной физиономией. Зовут его Евгений Анатольевич. Ему лет пятьдесят с хвостиком.

И Нина Елизаровна, не умолкая ни на секунду, изредка сочувственно поглядывает в его сторону. Один раз она даже улыбнулась ему...

От этой улыбки он счастливо шалает, да так явственно, что если бы группа в этот момент не была так увлечена копией скульптуры «Булжник – оружие пролетариата», а узрела

бы лицо Евгения Анатольевича, то все в один голос заявили бы, что он намертво влюблен в Нину Елизаровну...

А через минуту, уже в другом зале, Нина Елизаровна оглядывает свою паству и понимает, что потеряла Евгения Анатольевича. От неожиданности она сбивается с накатанного ритма и растерянно замолкает.

Однако профессионализм берет верх, и уже через мгновение речь ее льется снова легко и свободно. Только глаза все время ищут Евгения Анатольевича...

Блям-м-м!.. – слабенький удар колокола растекается по квартире.

Не мигая Бабушка смотрит в дверной проем. Ждет...

И не дождавшись, неверной правой рукой с трудом подносит ко рту поильник. Холодный чай течет по подбородку, по дряблой морщинистой шее, расплывается по подушке, по пододеяльнику...

Но Бабушка этого не чувствует. Глаза ее вонзились в довоенную фотографию – весело хохочет Дедушка в форменной шапке с «крабом», куртке с меховым воротником. Держит в руке веревку от обледенелой корабельной рынды – той самой, что сейчас висит у Бабушки над головой. А вокруг Дедушки льды, снега и ужасно Крайний Север...

...Эту фотографию молоденькая Бабушка (до жути похожая на сегодняшнюю Лиду!) показывает Другу. У Друга в

петлицах «шпала», а на португее – пистолет. Потом Друг смотрит вместе с Бабушкой в окно. Внизу три человека в кожаных регланах подсаживают в «воронок» пожилого полудетого человека. Друг быстро надевает такой же реглан и фуражку, по-братски целует Бабушку и гладит ее по выпуклому животу. И они оба смеются.

Из окна Бабушка видит, как Друг выходит на улицу, проверяет, как заперли «воронок», а сам садится в легковушку. Машины трогаются. Бабушка, счастливо улыбаясь, машет Другу вслед рукой...

Новые районы всех городов страны очень остроумно построены одинаковыми торговыми центрами. Первый этаж – продовольственный магазин, второй – столовая, районное лицо общепита. Слева – вход в сапожную мастерскую или ателье, справа – стыдливо исключенный из общей гастрономии винный отдел. Над сапожной мастерской обычно – контора жэка, над винным отделом – штаб добровольной народной дружины или каморка участкового милиционера.

Торговый центр закрыт на обеденный перерыв. У замкнутых дверей продуктового магазина черно-серые старушки покорно ждут открытия. От запертого винного отдела змеится мрачноватая очередь еще трезвых мужчин.

С тыльной стороны Центра – завал из разбитых бочек, смятых картонных коробок, горы ломаных тарных ящиков.

Тут еще одна очередь – у пункта приема стеклотары. Сум-

ки, сетки, чемоданы, рюкзаки с бутылками. В отличие от очередей у магазина эта очередь являет собой говорливое, неунывающее братство.

В грязном отгороженном тупичке замагазинного лабиринта на ящиках из-под марокканских апельсинов сидят Настя и Мишка.

Мишке – двадцать один год. Он в кроссовках, вельветовых порточках и в теплой «вареной» курточке с белым воротничком из искусственного меха.

Настя покуривает, Мишка захлебывается новостями:

– ...такие возможности, малыш, полный атас! Люди... Солидняк, с «волгарями». Главный – на «мерседесе»! «Старик, – это мне главный говорит, – старик, сейчас само время раскрыло тебе свои объятия! Копеечка только ленивому в рот не течет! Хочешь, – говорит, – становись на штамп, преслуй кнопки. На пластмассе гарантирую полштуки, на металле – до восьмисот! Через год у тебя квартира, через полтора – тачка. Не хочешь уродоваться на станке – ты же десантник, – давай в охрану. Штука обеспечена».

– Что? – не поняла Настя.

– Тысяча за охрану кооператива.

– Сторожем, что ли?

– Малыш! – Мишка даже за голову схватился. – Ну ты даешь! «Сторожем»! Теперь все как у людей: есть рэкет – шобла, которая шерстит кооператоров. С каждого дела – две-три тысячи в месяц. А этих дел сейчас по Москве – хоть задни-

цей ешь.

– Как это? – удивилась Настя.

– А очень просто. Ты имеешь свое дело. Кооперативное. Я прихожу к тебе и говорю: «Анастасия Александровна, хотите спокойно жить и работать?» Ты говоришь: «Хочу». «Так вот, – говорю, – извольте ежемесячно отстегивать нам столько-то и столько-то...» Поняла? И так с каждого.

– А я не могу тебе сказать: «Вали-ка ты, Миша»?

– Вполне. Утром приезжаешь – оборудование разгромлено, помещение сожжено. Я прихожу снова. Спрашиваю: «Ну как, Анастасия Александровна?» И ты отстегиваешь, что с тебя просят, или тебя подвешивают где-нибудь в лесочке за ноги и раскаленным утюжком по животику. И вот от них этот кооператив надо защищать.

– А если в милицию?

– А там что, не люди? Я тебя умоляю!.. Все хотят вкусно кушать. Слушай, ты можешь не курить? Ну что это такое? Сколько раз...

– Не ханжи. Дальше.

– Я к Сереге. С которым демобилизовывался... А Серега говорит: «На хрена нам эти кооперативы? Что мы, даром два года в ВДВ отмантулили? Лучше сразу в рэкет. Главное – в приличную шоблу встрять. Мы – ребята тренированные, а там, если с головой...»

– Но ты же хотел на юрфак?!

– Пока эту халяву не прикрыли, надо материальную базу

создать. А уже потом...

– Дурак ты, Мишаня, – лениво говорит Настя, сплевывает и выщелкивает окурок. – То ты в кооператив, то в охрану, то в бандиты. Ну просто прямой путь на юридический факультет!

– Я свою дорогу в жизни ищу, малолетка ты хренова! Это ты можешь понять?! – взбеленился Мишка. – Я к тебе как к самому близкому... А ты?! Если бы тогда меня от Афгана не отмазали, я бы сейчас полные руки «сертов» имел! За два года, знаешь, сколько я бы этих чеков Внешторгбанка привез?! Вот тогда бы я сразу в университет! Участник войны, «капусты» навалом...

– А если бы тебя оттуда в таком симпатичном цинковом гробике привезли?

– Ладно тебе. Не всех убили. Кто-то и своими ногами пришел.

Из служебных дверей магазина выглядывает старшая продавщица Клава:

– Настя, кончай перекур, открываемся!

– Иду, тетя Клава! – кричит Настя и говорит Мишке: – Мишка ты Мишка, неохота мне сегодня тебе настроение портить. Чеши. Зайдешь за мной вечером. Мне еще товар принимать.

И Настя направляется к дверям служебного входа.

Бабушка лежит в пустой квартире, не мигая смотрит в по-

толок. И возникает в глазах ее бесшумное и бесцветное видение...

...На стеклах, крест-накрест, наивные бумажные полоски сорок второго года. Голая Бабушка, чуть прикрытая одеялом, курит в смятой постели. Из уборной возвращается Друг – в кальсонах, носках, в накинутом на плечи кителе с тремя «шпалами». Деловито натягивает галифе.

Скрипнула дверь. Друг, в полуодетых штанах, подхватил портупею, белые комсоставские бурки, метнулся за портьеру.

На пороге спальни стоит заплаканная двухлетняя Нина в ночной рубашке. Бабушка рассмеялась, вскочила, подхватила дочь, бухнулась с ней в постель – так, чтобы Нина оказалась спиной к Другу.

Друг выходит из-за портьеры в полной своей эмгэбэшной форме и тихо исчезает... А Бабушка счастливо целует Нине маленькие озябшие ножки, отогревает ее своим веселым материнским дыханием.

В конце первой половины дня Нина Елизаровна с двумя продуктовыми сумками и уже в обычных уличных туфлях без каблуков быстрым шагом подходит к своему дому. И сразу же видит стоящего у парадного подъезда Евгения Анатольевича с тремя гвоздичками в руках.

– Господи, Евгений Анатольевич, как вы меня напугали! –

набрасывается на него Нина Елизаровна. – Куда это вы подевались, черт вас побери?! Я уж думала, что вам плохо стало...

Евгений Анатольевич робко улыбается и молчит.

– И вообще, как вы узнали, где я живу?

Евгений Анатольевич смущенно пожимает плечами.

– Вы что, сыщик, что ли?

– Нет. Инженер.

– С вами все в порядке?

– А что со мной может случиться?

– А черт вас знает! Две недели ходить в один и тот же музей – любой может сбрендить.

– Я не в музей хожу.

– А куда же?

– К вам.

Нина Елизаровна смотрится в отражающее стекло входной двери подъезда, поправляет волосы и с удовольствием говорит:

– Да ну вас к лешему, Евгений Анатольевич! Я старая баба...

– Я люблю вас, Нина Елизаровна...

– Эй! Эй!.. Вы с ума сошли! – искренне пугается Нина Елизаровна. – У меня мать парализованная, у меня две взрослые дочери от очень разных мужей! Я себе уже давным-давно не принадлежу...

– Но я люблю вас, – тихо повторяет Евгений Анатольевич.

– Вы – псих! Сейчас же прекратите ходить в наш музей! Я смотрю, на вас историко-революционная экспозиция действует разрушительно. Совсем мужик чокнулся! Ну надо же! Террорист какой-то!

Нина Елизаровна видит, как дрожат гвоздики в руках у Евгения Анатольевича, и добавляет:

– Что вы трясетесь, как огородное пугало на ветру? Давайте сейчас же сюда цветы! Если это, конечно, мне, а не какой-нибудь молоденькой профурсетке...

Евгений Анатольевич счастливо протягивает ей цветы.

– И... черт с вами! Приходите ко мне завтра часам к десяти утра. Я завтра работаю во второй половине дня. Хоть накормлю вас нормально. Небось лопаете бог знает где и что попало! Квартира тринадцать...

– Я знаю.

Нина Елизаровна оглядывает Евгения Анатольевича с головы до ног:

– Нет, вы определенно чудовищно подозрительный тип!

Бом-м-м!.. Удар колокола совпадает со звуком открывающейся двери, и в квартиру влетает запыхавшаяся Нина Елизаровна.

– Не волнуйся, мамочка! Сейчас, сейчас! Уже бегу! Сейчас перестелю, обедом тебя накормлю...

Чуть дрогнул правый уголок безжизненного старушечьего рта. Прищурился слегка немигающий правый глаз. Это что,

улыбка?.. Над головой у Бабушки покачивается веревка от языка колокола.

Андрей Павлович сидит у окна, лицом к подчиненным ему сотрудникам. На самом большом от него удалении – стол Лиды. Около Лиды стоит ее бывшая сокурсница и лучшая подруга Марина – модная, уверенная, эффектная.

Они разглядывают лежащий на коленях у Лиды фирменный пакет с шоколадной девицей в микротрусиках и тоненьком лифчике. А за девицей – зеленые пальмы, желтое солнце, синий океан.

- Гонконг. Дешевка, – презрительно говорит Марина.
- «Дешевка»... Пятьдесят рэ, – грустно шепчет Лида.
- Хороший купальник тянет на двести пятьдесят.
- Это еще что за купальник?
- Гораздо более открытый. Один намек.
- О боже! Кошмар!
- Я дам тебе этот полтинник. Не ной. Отдашь, когда сможешь. Важно в принципе – ехать тебе с ним или нет?

Нина Елизаровна кормит мать обедом.

Еле теплящаяся, неподвижная старуха жадно открывает живую половину рта, и Нина Елизаровна привычно и ловко сует туда то ложку с супчиком, то кусочек куриной котлетки, размятой в кашу. Одновременно она делает десятки маленьких, незаметных дел – вытирает Бабушке лицо, под-

кладывает салфетку под щеку, поправляет одеяло, поудобнее подтыкает под головой старухи подушку, сует ей в рот поильник, смахивает с постели крошки...

И болтает, болтает, болтает... Она болтает с матерью так же привычно, как и кормит ее. Без ожидания ответа, реакции на сказанное, со святой убежденностью в том, что старуха слушает ее и понимает.

– ...и я клянусь тебе, мамочка, Настя очень нежно к тебе относится! – говорит Нина Елизаровна. – По-своему, подурачки – с какими-то своими представлениями о родственных связях, человеческих ценностях... Пятнадцать лет – чудовищный возраст! Щенки, лающие басом. Умоляю тебя, мамуленька... Ну вспомни Лиду... Меня, наконец! В пятнадцать лет мы были такими же стервами. Тоже казалось, что мы – центр мироздания, а все остальные... Подожди, я здесь чуть-чуть подотру... Ну давай еще ложечку... Замечательно! И потом, это бездарное ПТУ! Ну что такое? Как ребенок интеллигентных родителей, так обязательно ПТУ, или Школа торгового ученичества, или педучилище – в лучшем случае. Одну ложечку... Вот так, молодец! А как только это ребенок из нормальной рабочей семьи или из деревни – так пальцы в кровь, морду всмятку, деньги на бочку – но чтобы школа с медалью, институт с красным дипломом! А потом Москва. А там... Отлаженная демагогическая система, цепь необходимых предательств, бешеная общественная работа и... Здравствуйте пожалуйста! Они уже едут за границы, они уже засе-

дают, они уже на Мавзолее стоят! Стой, стой, мамуля! Сейчас... Горячего молочка... Вот так! И желудок будет работать лучше. И происходит какая-то двухсторонняя деградация. Революция продолжается по сей день – кто был ничем, тот станет всем! Размочить тебе печенье в молоке? Кухарки обязательно хотят управлять государством, жутко мешают друг другу, ссорятся, толкаются, как лакеи в прихожей! Не горячо, мамуля? Ну не торопись, не торопись... Потом они ненадолго объединяются, наваливаются всем миром на интеллигенцию... Ты же понимаешь, что тут они едины. Это их инстинкт самосохранения, которого мы почему-то лишены. Раньше – за шкуру и в кутузку, в лучшем случае коленом под зад – и катись колбаской по Малой Спасской! Теперь проще: собирают в Кремле, кормят с рук, облизывают до состояния глазированной и тихо опускают до собственного уровня. До того уровня, на котором уже можно разговаривать командным тоном, а он будет тебе казаться доверительной беседой на равных. Фантастика! Тебе судно подать? Ты по-большому хочешь или по-маленькому?

Неподалеку от Киевского вокзала, рядом с Дорогомиловским мостом, в громадном угловом доме, одним крылом выходящем на набережную Москвы-реки, помещается маленький винно-водочный магазинчик. А вокруг него – толпа из вокзально-приезжего и местно-ханыжного люда. У дверей магазинчика два милиционера мужественно и самоот-

верженно сдерживают народное волнение.

– По три сорок семь осталось всего одиннадцать ящиков! – кричит один милиционер в мегафон. – Кому по три сорок семь – больше не становитесь! Только по два пузыря в одни руки!

Толпа в ужасе ахает и еще сильнее наваливается на дверь магазина.

Длинный, тощий, бывшего интеллигентного вида, в очках, в замызганном плаще, мужчина с портфелем взметает в серое небо костлявый кулачок, кричит милиционерам:

– Опричники!

Какой-то звероподобный человек вываливается из магазина с охапкой бутылок, хрипит в толпу:

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.